

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

М.В. Горбачев

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: *В статье анализируется политический проект как проблема политической науки. Изучение его контента осуществляется исходя из соотношений таких понятий как идея, идеология, план, замысел, стратегия, инновация, модель. Автором выделяются ключевые основания политического проекта, описываются возможности его применения для анализа современной политики.*

Ключевые слова: *проект, политический проект, основания политического проекта, политическое проектирование, субъекты политического проектирования.*

Политический проект представляет собой достаточно новый, популярный, но слабо изученный в современной научной литературе концепт. Его активно используют ученые, политики, журналисты в различных научных дискуссиях, рабочих совещаниях, выступлениях. При этом наполнение контента «политический проект» осуществляется максимально произвольно. Его часто отождествляют со стратегией, планом, замыслом, моделью, идеологией. Как следствие, возникают «реальные» и «фантомные» политические проекты, а также связанные с ними многочисленные трактовки и интерпретации. Одновременно современные институты политической власти не только выступают инициаторами различных политических проектов, но и внимательно отслеживают альтернативные политические проекты.

Как отмечает А.И. Соловьев, «изменения, происходящие в современном мире политически организованных обществ, демонстрируют «исключительную чувствительность власти... к малейшим флуктуациям в поле политики, включающим возникновение разнообразных идей, настроений и состояний массового сознания» [Соловьев 2001: 75]. Особую актуальность, применительно к политическим проектам и политическому проектированию, этот тезис приобретает в условиях, когда «власть становится глобальной и внетерриториальной и вступает в конфликт с политикой, которая осталась такой же территориальной и локальной, как раньше» [22 идеи о том, как устроить мир... 2014: 226], а именно в контексте одновременного усиления глобализационных процессов и роста цивилизационной идентичности, связанной с подъемом «локальных культур» [Пляйс 2016: 12]. При этом данные изменения не являются следствием лишь объективных процессов, во многом это результат целенаправленной деятельности желающих управлять миром субъектов. Другими словами,

происходящие глобальные и локальные перемены носят проектный характер, связаны с определенными субъектами и их инициативами.

Интерпретация концепта «проект», специфика соотношения проекта с планом, замыслом, моделью, прогнозом, идеей, идеологией, стратегией, инновацией

Полагаем, что первоначальное позиционирование проекта и политического проекта осуществлялось в рамках двух основных уровней. С одной стороны, их пытаются рассматривать «с точки зрения идей, ценностей, к которым они стремятся» [Гришин 2015: 14]. В этом случае проект и политический проект представляют практически ориентированный инструмент решения различных задач, который понятен и доступен значительной части населения. С другой стороны, контент «проект» и «политический проект» выходит далеко за рамки типичных общественно-политических проблем. Он может носить глубокий философский смысл, который является понятным только узкому, высоко подготовленному кругу лиц [Хайдеггер 2008: 45]. Такое дуалистичное понимание политического проекта значительно усложняет «многообразие, многоликость политики, нестандартность форм ее протекания» [Демидов 2002: 156]. В то же время считаем, что учет обозначенной специфики, в процессе анализа и интерпретации концептов «проект» и «политический проект», позволит более четко определить смысловое содержание данных феноменов.

Концептуализация «проекта» и «политического проекта» должна учитывать их значение, которое существовало в СССР, имеет место в современной российской и зарубежной науке. Структурно словосочетание политический проект состоит из двух частей. Это само понятие «проект», а также его политическая составляющая. Что касается термина «проект», то он интерпретируется по-разному. Чаще всего он объясняется в механистическом ключе. Так, в «Словаре русской речи» С.И. Ожегова под проектом понимается «разработанный план сооружения, устройства чего-нибудь» [Ожегов 1987: 496]. Русско-английский словарь, приблизительно этого же периода, дает практически такую же интерпретацию рассматриваемого термина: «project» «design» проект, «проектировщик» planner [Russian-English... 1971: 498].

Указанные объяснения подразумевают широкие возможности применения термина на эмпирическом уровне. В то же время, они не отражают глубины его содержания как теоретического концепта, показывая преимущественно его многомерные практические качества и свойства, такие как одномерное восприятие проекта, понимание его только в одной плоскости, в одной измерительной шкале, в одной логической последовательности действий, в одном алгоритме. Поэтому, как отмечается некоторыми авторами, «план может быть составной частью непосредственно проекта» [Митрохина 2015: 119]. В соответствии с таким подходом вхождение плана и планирования в проект и проектирование не позволяют использовать их как одноуровневые категории политической науки, направленные на интерпретацию одинаковых объектов политической реальности.

Другая трактовка термина «проект» отсылает нас к формально-институциональным интерпретациям. Проектом в этом подходе называется «предварительный текст какого-нибудь документа» [Ожегов 1987: 496], «замысел» [Левонтина 1995: 299]. Как отмечается в более поздних работах, затрагивающих сущность этого концепта, такое его содержание позволяет вести речь о нем, как «о законодательном акте, управленческом решении, партийной программе» [Грачев 2003: 117]. Другими словами, проект может рассматриваться как документированная последовательность действий и операций в различных сферах реализации общественных интересов. В этом случае анализируемый нами термин становится практически идентичным по своему смысловому наполнению понятию «замысел». В отечественных источниках замысел может определяться, как «задуманный план действий или деятельности, намерение», как «идея, смысл, интенция» [Урысон 2003: 117].

Если обратиться к англо-язычным словарям по общественным наукам, то замыслом там чаще всего называют «заложенный смысл, идею» [Russian-English... 1971: 134]. В связи с этим необходимо отметить, что замысел, в отличие от того же плана и проекта, не имеет четко обозначенных параметров, связанных со временем и сроками. Он больше акцентируется на таком качестве, как уникальность. Однако и оно может быть характерно для проекта, в случае если он не имеет готовых к внедрению аналогов. При этом, как отмечается исследователями, «проект так или иначе чувствителен к имеющимся ему аналогам» [Фишман 2003: 149]. Это означает, что проект и субъекты, его реализующие, так или иначе стремятся избежать простых повторений в социальных практиках.

Еще одна трактовка понятия «проект» связана с попыткой его отождествления с моделью. Под моделью понимается «абстрактное представление реальности в какой-либо форме, предназначенное для представления определенных аспектов этой реальности и позволяющее получить ответы на изучаемые вопросы» [Когаловский 2009: 80]. В такой интерпретации модель — это аналог «идеального типа» [Вебер 1980], на который необходимо ориентироваться в процессе совершения определенных действий. Проект же может подразумевать значительные отклонения от заданных параметров, если условия, в том числе и общественно-политические, значительно изменились. Поэтому в отдельных случаях он может быть назван более гибкой разновидностью модели, но не ее аналогом. В частности, как пишут исследователи, «если проект невозможен, если, опираясь на существующие господствующие группы, невозможно обеспечить жизнь страны, надо менять точки опоры и проект» [Кургинян 2009].

Термин «модель» интерпретируется как «уменьшенное воспроизведение или схема чего-нибудь» [Ожегов 1987: 288]. Эта упрощенная трактовка практически не соотносится с многогранностью значения термина «проект», который понимается, в том числе, и как «решение некоторой задачи по созданию еще не существующего объекта или достижению еще не существующего состояния, ограниченного определёнными исходными данными и заданными результатами или целями, которые обуславливают способ её решения» [Грачев 2013: 118]. Таким образом, проект предполагает как формирование упрощенной модели того или иного объекта, так и выстраивание определенных причинно-следственных связей внутри и за пределами нее. Иными словами, если не более масштабную, то более сложную версию построения социально-политической реальности.

Рассматривая проект как определенную стратегию, направленную в будущее, некоторые авторы отождествляют его с концептом «прогноз». Под последним понимается «заклучение о предстоящем развитии и исходе чего-нибудь на основании каких-нибудь данных» [Ожегов 1987: 420]. Другими словами, главная цель прогноза состоит в определении состояний изучаемого объекта через определенный интервал времени. Прошлые и текущие параметры его развития имеют значение только в контексте определения ключевых элементов будущего. Проект же включает в себя прошлые, настоящие и будущие параметры того или иного явления в их органичной взаимосвязи, без выделения особых предпочтений будущим траекториям и трендам. Так, специалистами отмечается, что «политический проект вряд ли может быть успешно реализован, если он не соотнесен с общественными настроениями, ожиданиями и стереотипами» [Митрохина 2015: 120]. Однако такое разграничение концептов «прогноз» и «проект» на теоретическом уровне не всегда возможно, что часто приводит к подмене терминов и понятий.

Довольно часто концепт «проект» ассоциируют с идеей или «большой идеей» (супер-идея). Под этим термином понимают «стратегию для крупномасштабного развития и продвижения чего-либо в маркетинге и рекламе» [Hernandez 2012]. Появление этого термина стало следствием самого масштабного за последние десятилетия развития рынка рекламы и рекламных технологий, в том числе и в политической сфере. Как следствие, первоначально супер-идея стала пониматься как часть проекта, инициируемого каким-либо актором, а затем стала частично или полностью отождествляться с самим проектом. В то же время «супер-

идея» в большей степени представляет собой, прежде всего, инновацию: «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт...» [Азгальдов 2008: 163]. А контент «проект» не всегда содержит инновации [Инновация... 2012]. Он может состоять из уже проверенных и неоднократно отработанных механизмов, институтов, ресурсов. Исходя из этого, концепт «супер-идея», так же как и термин «план», могут быть составными частями понятия «проект», но не подменять его.

Помимо этого, в ряде источников можно встретить использование термина «дискурс» в качестве аналога концепту «проект» [Дейк 1989]. Так, определяя дискурс как «речь, процессы языковой деятельности и предполагающие их системы понятий» [Демьянков 2007: 86] или как «обусловленную социальными и культурными параметрами и имеющую интересующий характер организацию системы речи» [Кубрик 2008], некоторые специалисты отмечают наличие четкой и заранее продуманной по этапам и целям организованной дискурсивной системы, претендующей на проектные построения. Однако использование этих терминов в одном смысловом значении смещает понятие «проект» в сторону ценностно-ориентационных позиций.

Указанная выше особенность нередко способствует тому, что «проект» и «идеология» начинают использоваться как идентичные категории. В то же время, несмотря на присутствие «идеальных» ценностей, как в идеологиях, так и в проектах, проекты не всегда имеют в качестве контента ценностную систему знаний, как это выстраивается в классических идеологиях и их неоверсиях [Матц 1992]. Тем не менее их сочетание возможно, особенно на макроуровне политического проектирования, когда в качестве проектных объектов выбираются цивилизации и иные макроисторические образования. Мы полагаем, что на таком масштабном уровне измерения политической реальности избежать конструирования «ценностных систем» практически невозможно. Во многом этот процесс может происходить даже помимо политической воли субъектов проектирования.

Применяя концепт «проект» к процессам и явлениям, затрагивающим несколько государств и обществ, специалисты формируют его масштабное видение. В результате возникают так называемые «глобальные проекты». Их визуализация достигается на основании позиционирования цивилизаций, международных организаций, структур, объединений и блоков в качестве проектов, имеющих особые возможности в глобальном и одновременно противоречивом мире. Так отмечается, что «на нынешнем этапе глобального системного кризиса объективно усиливается предельно жесткая конкуренция конкретных национальных мобилизационных проектов» [Наша тысячелетняя цивилизация... 2013].

Такое понимание проектов не противоречит их контенту, а напротив, расширяет их практические и теоретические возможности, позволяет применять их в принципиально новых и динамичных глобальных условиях. В то же время «глобальные проекты» требуют отдельной типологизации. Например, проекты «международных организаций» [Мошняга 2011], «цивилизационные проекты» [Хантингтон 2003], «военные проекты» [Dogman 2004], проекты «глобального заговора» [Колеман 2014], «антикризисные проекты» [Митрохина, Горбачев, Федорова и др. 2014], «проекты модернизации» [Макаренко 2017]. Основания для выделения конкретных типов могут стать как общими, так и частными, в зависимости от целей и задач исследования.

Таким образом, в большинстве аналитических и исследовательских документах механистический, формально-институциональный, прогнозный, «идеологический», «дискурсивный» подходы к концепту «проект», теряют обозначенные выше различия. Так, «с одной стороны, наличие замысла или плана предполагает и предопределяет его документальное оформление, тогда как с другой — предварительный текст какого-либо политического документа всегда связан с последующей реализацией каких-либо конкретных планов» [Грачев 2013: 118]. Однако если исходить из обозначенных выше различий, контент термина

«проект» более многогранен, масштабен, сложен и содержателен, имеет различные смысловые измерения, в отличие от более односторонних терминов план, замысел, прогноз, модель.

Проведенный анализ показал, что для проектов характерны следующие особенности. Во-первых, определенный временной параметр. К нему может относиться как реальный период его реализации (определенная историческая эпоха), так и потенциальный период, если он направлен в будущее. Во-вторых, результат (продукт), который может быть готовым к использованию [Fujita, Krugman, Venables 1999: 123] или носить промежуточный [Dixit, Stiglitz 1977: 298] характер. Проект может иметь уникальные (содержать инновации) или типичные (не включать в свой состав инноваций) параметры. В-третьих, проект содержит последовательности действий, этапы, шаги, периоды реализации [Архангельский 2016]. В-четвертых, проект ограничен ресурсными возможностями, которые имеются в наличии или могут быть задействованы потенциально. В-пятых, проект имеет субъектоориентрованную специфику, т. к. создается и реализуется людьми, социальными группами, социальными общностями, организациями. В-шестых, контент проекта основан на определенных каналах его реализации. В-седьмых, в проект закладываются риски и зависимости от «окружающей среды», несущей в себе как возможности, так и угрозы. В-восьмых, проект должен соответствовать определенным стандартам, если таковые имеются, или выработать новые стандарты, в случаях его уникальности. В-девятых, проект подразумевает наличие какого-либо механизма легитимации со стороны, или само легитимацию.

Особенности политического проекта как категории политической науки

Экстраполяция рассмотренных выше параметров концепта «проект» на политическую сферу жизни общества связана с определенными методологическими проблемами. Предполагаем, что их возникновение можно отнести к концу XIX в. – началу XX в., когда американский журналист А. Уйат использовал словосочетание «фабрика мыслей», в которой, по мнению специалиста, рождаются различные проекты, в том числе и политические [Abelson 2000]. С этого момента еще недостаточно проясненное теоретическое значение концепта «проект» приобрело эмпирическую реализацию в политической деятельности. Эта специфика особенно проявилась в области партийного строительства и электоральных технологий. Так, в конце XIX в. М.Я. Острогорский отмечал: «распространение идеи, манипуляции, конфликты мнений, демонстрация политического чувства, возбуждаемого ими у публики, даже взрывы негодования и гнева — все является предметом производства, как на какой-нибудь манчестерской фабрике или на бирмингемском заводе» [Острогорский 1997: 263].

Немного позже, начиная с 1932 г., а именно после президентской кампании Ф. Рузвельта в США, политический проект становится еще более популярным термином, используемым для характеристики не только политических партий и электоральных взаимодействий, но и других политических явлений и процессов [McGann, Weaver 2000]. При этом изначально не решенный вопрос о сочетании теоретических аспектов понятия «проект» с политической сферой его применения, продолжает оставаться актуальным. Отдельные аспекты данной проблемы, применительно к современному периоду политического развития, анализируются в работе А.Ю. Сунгурова «Как возникают политические инновации...» [Сунгуров 2015]. Автором отмечается значительный плюрализм подходов к интерпретации политических проектов, связанный с их растущей инновационной составляющей.

В то же время, несмотря на инновационный вектор эволюции понимания «политического проекта», во многих научных и научно-практических работах можно встретить формально-документальный способ объяснения этого концепта. В таком случае под ним чаще всего понимают документ или серию документов направленных на институционализацию различных политических связей и отношений. Такое видение понятия «политический проект» позволяет, с одной стороны, рассматривать его как идеальную теоретическую схему,

которая четко и последовательно прописана в документах или серии документов. С другой стороны, изучать его как практически применимый инструмент изменения политической реальности, предполагающий наличие определенной последовательности формально закрепленных действий. В данном контексте политический проект представляет собой «документ с четкой и определенной концепцией, логикой реализации, распределением ответственности и т. д.» [Кузнецов 2010: 87].

Ряд авторов отмечают, что политический проект «отличается более высокой верифицируемостью, поскольку он ближе к гипотетической реальности грядущего...он сопоставим с реалистическим сценарием политических процессов будущего» [Ежов 2010: 122]. В таком подходе снижается формально-логическая составляющая концепта «проект», которая досконально закреплена в определенных документах. Основные акценты расставляются в пользу прикладной направленности политических проектов. Сочетание этих двух подходов прослеживается в еще одном пояснении концепта «политический проект». В нем этот термин определяется как «предлагаемый к производству или уже произведенный политический продукт, характеристики которого задаются представлениями субъекта проектирования об идеале будущего...» [Митрохина 2015: 114].

В обозначенном выше контексте в контент «политический проект» успешно включаются как «идеальные» параметры политической реальности (теоретические схемы, «идеальные типы», «политические модели»), так и реальные механизмы и институты политического проектирования. Другими словами, понимание политического проекта сужается до конкретных действий правительства, направленных на преодоление возникающих проблем и сглаживание их негативного социального эффекта, например, как информационный политический проект современного индийского правительства, который нацелен на отвлечение внимания населения от сложных экономико-экологических проблем.

Достаточно абстрактный подход к политическому проекту представлен в следующем его определении: «специфическая форма интерпретации и использования результатов самой обычной деятельности, которая на момент ее осуществления может быть и никак не связанной с публичной политикой» [Малкин, Сучков 2006: 458]. Такое конструирование концепта «политический проект» позволяет включать в него самые разнообразные нормы, институты, механизмы и процессы, имеющие отношения к политической сфере жизни общества напрямую или косвенно. Однако расширение содержательного наполнения политического проекта приводит к увеличению его смысловых интерпретаций, к «размытию» его границ. Поэтому такая интерпретация не представляется нам убедительной, особенно если применять ее в контексте анализа конкретных политических институтов и процессов.

Еще одна трактовка концепта «политический проект» связывает его с разновидностью политической деятельности, основанной на «вероятностном характере закономерности процесса в политической среде, неточности и неполноте информации, невозможности установления универсальных количественных показателей...» [Горбачев 2015: 47]. В этом случае политический проект получает ситуативные характеристики, которые зависят не от его внутреннего содержания, а от переменных «внешней среды». Поэтому особое значение при анализе и составлении политических проектов, приобретают внешние условия, детерминирующие содержание и возможности выполнения политических проектов. Сами же проекты становятся производными (выборными) от количественных и качественных переменных окружающей среды. При этом, как отмечают исследователи, «этот выбор должен стать не механическим за неимением иных альтернатив, а осознанным, предполагающим четкое понимание содержания идентификаторов, приписываемых политическому порядку» [Ежов 2012: 144]. В частности, до сих пор идут достаточно острые дискуссии относительно того, «было ли создание советского государства четко разработанным рукотворным проектом или все же страна появилась исключительно в силу действия законов исторического развития» [Бочкова 2015: 2251]. Конечно, влияние внешних факторов и детерминант достаточно существенно,

однако концентрация внимания только на них способна исказить цели и задачи политических проектов.

В ряде источников можно встретить описание концепта «политический проект» как части политического прогноза, которая, по мнению исследователей, «помогает согласовать краткосрочные и стратегические цели и задачи так, чтобы они не противоречили друг другу» [Ожиганов 2009: 153]. Иными словами, политический проект рассматривается «как совокупность гипотетических событий» [Шатило 2015: 39]. Такая характеристика политического проекта лишает его самостоятельного значения как инструментария формирования, изменения и интерпретации политической реальности. Политический проект, позиционируемый как важная и завершающая часть политического прогноза, теряет собственную самостоятельность и уникальность, становится частью методологических процедур поиска контуров политического будущего. В то же время, политический прогноз, в отличие от политического проекта, не предполагает творчества, инновационных операций и действий, креативного подхода. Напротив, в нем важно соблюдение аналитической и процедурной составляющей для получения максимально точного результата.

Не менее интересный подход к политическому проекту можно встретить в политико-правовых исследованиях. Он сформировался в результате необходимости разграничения концептов «политический проект» и «государственная программа». Под последней исследователи понимают «правовой акт, выпущенный ответственным органом государственной власти и обладающий определенными юридическими атрибутами» [Иванова 2011: 190]. Иными словами, формально определенный, имеющий четкую структуру и содержание документ. В качестве разновидности государственного проекта можно выделить национальные проекты, которые были достаточно популярным инструментом политической власти в России в начале второго десятилетия 2000-х гг. Так, исследователи отмечают, что «внедрение в политический процесс России новых механизмов реализации национальных проектов имело и имеет как стратегические, так и тактические цели... стабилизация и развитие демократической политической системы в целом» [Устинкин 2009: 15].

Осуществление национальных проектов как составной части государственных проектов, практически сразу высвечивает их отличие от политических проектов, а именно национальные проекты достаточно быстро попадают в упрощенную систему оценочных координат: критика (со стороны оппозиционных политических сил), поддержка (со стороны правящих политических сил). Например, представители «Единой России» и «Справедливой России» отмечают, что «национальные проекты являются эффективным механизмом решения застарелых социально-экономических проблем, «создают серьезную базу для развития» и являются прототипом «новой справедливой социальной политики страны» [Национальные проекты... 2006]. В свою очередь лидеры оппозиционных партий писали, что «для решения проблем в социально-политической сфере необходимо возвращаться к полноценным реформам вместо мало результативной раздачи денег» [Немцов, Милов 2008: 79].

Политический же проект, в отличие от государственного, может быть изготовлен и выпущен не только государственными органами власти, но и аналитическими центрами, консалтинговыми службами, экспертными лабораториями, политическими и общественными клубами. Причем как по заказу официальных органов власти, так и в результате самостоятельной активной политической деятельности. Поэтому проекты перечисленных выше субъектов политического процесса могут как иметь четко определенную структуру, так и быть составленными в максимально произвольном формате. В таком случае они будут избегать попадания в традиционную оценочную систему: властные и оппозиционные проекты. Как следствие, они являются более гибкими в плане возможных изменений относительно процессов и явлений окружающей политической среды.

Продолжением проанализированной выше точки зрения на политический проект является его понимание в контексте понятия «государственное моделирование». Разнооб-

разные сочетания концептов «политический проект» и «государственное моделирование» можно встретить в многочисленных научно-исследовательских материалах, затрагивающих проблему интерпретации политической реальности через ее количественное выражение: аналитические справки и отчеты, эмпирические базы данных, графики, схемы. Чаще всего, государственное моделирование в таких документах понимается как построение прообраза будущего. В большинстве так называемых государственных моделей прорабатывается подробный алгоритм политических действий и мероприятий, субъектов их исполняющих, перечень ресурсов, а также формы отчетности и критерии оценки эффективности.

Если же обратиться к содержанию политических проектов, они могут не иметь таких четких описаний действий. В частности, может создаваться «идеализированная модель «великой страны», сконцентрированность на тенденциозно истолкованных образах прошлого и будущего» [Волконогова 2005: 40], как это было в случае с рядом государств Европы после окончания I Мировой Войны (речь идет о стремительной популяризации идей национализма). Или же проект неоконсерваторов в США, в основе которого лежит достаточно общая идея о том, что «активное социальное строительство часто приводит к неожиданным последствиям и препятствует достижению поставленных целей» [Фукуяма 2007: 72]. Поэтому в отдельных случаях, затрагивающих простые прикладные политические проблемы, возможно отождествление государственных моделей с политическими проектами. Тем не менее их содержательные различия не позволяют это сделать применительно к другим проблемам и обстоятельствам политической реальности современного общества.

Помимо этого, политический проект может рассматриваться сквозь призму ценностей и смыслов, которые создаются в том или ином дискурсе. В частности, специалисты отмечают, что «политический проект создается на базе герметичного дискурса, питающегося наиболее подходящими автору версиями философии истории, представлениями о природе реальности (науки, натурфилософии)» [Фишман 2003: 156]. В данном контексте значительно возрастает уровень субъективизма в контенте «политический проект». В частности, политический проект может восприниматься как утопия, «охватывая практически любые идеальные построения, включая даже нереализованные сценарии и литературные проекты» [Чернышов 1989: 3]. Или же политически проект будет интерпретироваться как «овладение государством, ибо в реальности только оно одно способно воплотить в жизнь политические прожекты и проекты» [Зуляр 2016: 11]. В данной трактовке политический проект максимально конкретизирован, носит инструментальный характер.

Основания концептуализации политического проекта

Ценностные предпочтения субъектов политического проектирования детерминируют характер и специфику составляемых ими проектов. Ценностные основания субъектов проектирования могут носить как явный, так и латентный характер. Их выявление и интерпретация позволит более четко понять цели и задачи составляемых проектов, ресурсную базу (как материальную, так и духовную), которая может быть под них подведена. Кроме того, политические проекты содержат набор инструментов, соответствующих определенным задачам и цели, на достижения которых они направлены. Описание инструментария решения проблемы является одной из важных составляющих политических проектов, так как позволяет соотнести цели и задачи политических проектировщиков с каналами и механизмами их воплощения в реальность.

Политические проекты включают в свой состав информацию о возможных трендах развития тех или иных особо значимых политических процессов и явлений. В некоторых случаях политические проекты предлагают подробные сценарии, описывающие будущее состояние тех или иных объектов, если выполнять определенные операции и процедуры направленные на их изменение. Помимо этого политические проекты описывают среду, в которой их

применение станет возможным/невозможным или затруднительным. Поэтому практически каждый политический проект как глобального, так и локального уровня включает в себя объем информации об окружающей его социально-политической, экономической, духовной среде. В этой информации важными компонентами выступают ключевые проблемы, как полностью затрагивающие интересы политического сообщества, так и частично осознаваемые на данном этапе его развития.

Политический проект, существует как на практическом инструментальном уровне, так и на философском, идейном уровне одновременно. Политический проект представляет собой определенную систему идей и ценностей, характеризующую направление, масштаб, характер и содержание субъекта политического действия в пространственно-временном измерении. Считаем, что идеи и ценности «наполняют» контент «политический проект», а не отождествляются с ним. Другими словами, политический проект представляет собой определенные «рамки», в которых происходит генерация, смешивание, конкуренция (а также их «политическая смерть»), различных ценностей и смыслов. Ее результатом становится формирование определенной ценностно-идейной системы, обладающей особыми качествами в рамках того или иного политического проекта.

Рамки (границы) ценностно-идейной системы политических проектов утверждают субъекты политического проектирования. Тем самым они выступают одним из основных компонентов политического проекта. Поэтому исследование субъектов политического проектирования, в контексте наиболее полного понимания концепта «политический проект», становится важной исследовательской задачей, затрагивающей не только многочисленных политических акторов различного уровня и потенциала, но и разнообразные политические процессы, инициируемые ими.

Азгальдов Г.Г., Костин А.В. 2008. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия. — *Экономические стратегии*. — № 2 (60).

Архангельский Г. 2016. *Глоссарий терминов тайм менеджмента. Организация времени. Эффективность, успех, развитие*. — Доступно: <http://www.improvement.ru/glossary/gloss03.shtml>. — Проверено: 13.03.2018.

Бочкова Е.В. 2013. Проект «СССР»: миф или реальность? — *Концепт*. — Том. 13.

Вебер М. 1980. *Исследования по методологии наук*. — М.: ИНИОН.

Волгогонова О.Д. 2005. Русский национализм: политический проект для России? — *Россия вчера, сегодня, завтра*. — № 1(46).

Грачев М.Н. 2013. «Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий — *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. — № 3.

Горбачев М.В. 2015. *Антикризисные проекты в цивилизационных дискурсах современных российских политических лидеров*. — Саратов: СГЮА.

Гришин В.В., Фихтнер Е.Н., Шиловская Н.С. 2015. Античные проекты человека — *Вестник Мининского университета*. — № 2.

Демидов А.И. 2002. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики — *Полис. Политические исследования*. — № 3.

Демьянков В.З. 2007. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. — *IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество»*. — Москва, 27–30 сентября 2007 г. — М.: Московский институт иностранных языков.

Ван Дейк Т.А. 1989. *Язык. Познание. Коммуникация*. — М.: Прогресс.

Ежов Д.А. 2010. Политическое проектирование: концептуальный взгляд. — *Труд и социальные отношения*. — № 4.

- Ежов Д.А. 2012. Дискурс авторитарного и демократического в российском политическом проекте. — *Поиск*. — № 5–6.
- Зуляр Ю.А. 2016. Парадигма и идеология общества позднего модерна. — *Известия Иркутского государственного университета*. — Т. 18. Серия «Политология. Религиоведение».
- Иванова С.В. 2011. О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики. — *Пространство и время*. — № 1.
- Инновации в корпусе гуманитарных идей: Материалы конференции МосГУ 16–17 февраля 2012 года*. 2012. Ч. 1. — М.: Моск.гуманит. ун-т.
- Кузнецов И.И. 2010. Разделение властей и пространственное развитие России: политический проект С.Б. Переслегина — *Известия Саратовского университета*. — Т. 10. Сер. Социология. Политология, вып. 2.
- Колеман Дж. 2014. *Комитет трехсот. Тайны мирового правительства*. — М.: Витязь.
- Коголовский М.Р. 2009. *Глоссарий по информационному обществу*. — М.: Институт развития информационного общества.
- Кургинян С. 2009. *Теория и практика политических игр*. — М.: ЭТЦ.
- Кибрик А.А. 2008. *О понятии «дискурс»*. — Доступно: <http://postnauka.ru/faq/10456>. — Проверено: 03.03.2018.
- Левонтина И.Б. 1995. Намерение, умысел, замысел, задумка, план, проект, прожект. — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. — М.: Проспект.
- Макаренко В.П. 2017. Имперская телега, ее возницы и смазчики. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2.
- Малкин Е., Сучков Е. 2006. *Политические технологии*. — М.: Русская панорама.
- Матц У. 1992. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна — *Политические исследования*. — № 1.
- Митрохина Т.Н. 2015а. Объяснительные возможности концепта «политический проект» (на материалах сайта Института динамического консерватизма). — *Теории и проблемы политических исследований*. — № 6.
- Митрохина Т.Н. 2015б. Политический проект как категория политической науки. — *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. — № 2 (56).
- Митрохина Т.Н., Горбачев М.В., Федорова С.А., Бирюлин И.В., Соколов А.Г. 2014. *Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ*. — М.: Политическая энциклопедия.
- Мошняга В.П. 2011. Гуманитарная деятельность международных организаций в современном мире — *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. — № 3 (май – июнь).
- Национальные проекты создали серьёзную базу для развития страны*. 2006. — Доступно: <http://www.edinros.ru/?id=12331>. — Проверено: 09.04.2018.
- Наша тысячелетняя цивилизация под угрозой. 2013. — *Изборский клуб*. — Доступно: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/977>. — Проверено: 09.04.2018.
- Немцов Б., Милов В. 2008. Крах национальных проектов. — *Большой бизнес*. — № 3.
- Ожиганов Н.Э. 2009. *Моделирование и анализ политических процессов*. — М.: РУДН.
- Ожегов С.И. 1987. *Словарь русского языка*. — М.: Русский язык.
- Острогорский М.Я. 1997. *Демократия и политические партии*. — М.: РОССПЭН.
- Пляйс Я.А. 2016. Новый мир и новые международные отношения — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. — № 1 (21).
- Соловьев А.И. 2001. Политический облик пост современности: очевидность явления — *Общественные науки и современность*. — № 5.
- Сунгуров А.Ю. 2015. *Как возникают политические инновации. «Фабрики мысли» и другие институты-медиаторы*. — М.: Российская политическая энциклопедия.

Устинкин С., Алабин Д. 2009. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе современной России. — *Власть*. — № 4.

Урысон Е.В. 2003. *Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике*. — М.: ИРЯ РАН.

Фишман Л.Г. 2003. «Утопия» ренессанса и «политический проект» постмодерна — *Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук*. — № 4.

Фукуяма Ф. 2007. *Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие*. — М.: АСТ.

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. — М.: АСТ.

Хайдеггер М. 2008. *Исток художественного творения*. — М.: Академический Проект.

Чернышев Ю.Г. 1989. Характерные черты греческой социальной утопии — *Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья*. — Барнаул.: АГУ.

Шатило И.С. 2015. Новороссия как историческая реальность и политический проект. — *Власть*. — № 2.

22 идеи о том, как устроить мир: беседы с выдающимися учеными (под ред. П. Дуткевича, Р. Саквы). 2014. — М.: Изд-во Московского университета.

Abelson D. 2000. *Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes*, McGill-Queens. — Montreal.: Montreal University Press.

Dixit A.K., Stiglitz J.E. 1977. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity — *The American Economic Review*. — Vol. 67.

Dorman A.M. 2004. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry — *Perspectives on politics*. — № 3.

Fujita M., Krugman P., Venables A.J. 1999. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. — Massachusetts: The MIT Press.

Hernandez R. 2012. *Big Ideas: Research Can Make a Big Difference*. — Доступно: http://www.mer-ga.net.au/documents/merga37_hurst1.pdf. — Проверено: 05.03.2018.

McGann J, Weaver R. 2000. *Think Tanks & Civil Societies*. — New Brunswick: Transaction Publishers.

Russian-English dictionary. 1971. — Moscow: Soviet Encyclopedia.